

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ДЕЙСТВИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА В ПРОСТРАНСТВЕ НА РАЗЛИЧНЫХ ЭТАПАХ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Ю.А. Зюбанов – канд. юр. наук, доцент

Рассматривается становление основных принципов действия уголовного закона в пространстве. Они являлись исходной основой уголовно-правовой системы Российского государства и отражали уголовно-правовую политику в различные исторические периоды.

Ключевые слова: действия закона в пространстве; исторические периоды отечественного уголовного законодательства.

Принципы действия закона в пространстве – это исходная основа любой, в том числе и уголовно-правовой системы. Они отражают уголовно-правовую политику государства и выступают основными требованиями, придающи-

ми целенаправленный характер деятельности законодателя, правоохранительных органов, суда и граждан, реализуются уголовно-правовыми нормами, обеспечивая выполнение задач уголовного законодательства. Отсюда и то внимание, которое

должно быть уделено принципам действия уголовного закона в пространстве. Проблема их действия относится к одной из малоисследованных.

В познании явлений современности исключительно важную роль играет изучение истории. Поэтому рассмотрим различные исторические периоды отечественного уголовного законодательства и отражение в нем принципов действия уголовного закона в пространстве.

Русское уголовное законодательство ведет свое начало со времени Великого князя Ярослава Мудрого (время княжения – 1019–1054 гг.), когда появились первые русские законы, писанные на старославянском языке, объединенные в обширный свод “Русская правда”. Он включает нормы различных отраслей права, в первую очередь, уголовного, процессуального и др.

В период феодальной раздробленности XIII–XV веков среди источников писаного права на первое место по количеству и распространности вышли княжеские грамоты. Они имели исключительно местное (локальное) значение, так как их действие не распространялось на всю территорию государства, а ограничивалось только теми или иными регионами. Постановления этих грамот дополняли и развивали нормы “Русской правды”, приспособлявая их к новым условиям.

Русская церковь с момента введения христианства стремилась обеспечить защиту своих интересов от чьих-либо посягательств. С этой целью она добилась издания специальных актов княжеской власти, получивших название церковных уставов. Этими документами определялось правовое положение православной церкви и духовенства, устанавливался круг дел, подсудных церковным инстанциям.

Из полудюжины дошедших до нас в позднейших исправленных копиях церковных уставов два приписываются князю Владимиру Святому и его сыну Ярославу Мудрому. В них определен круг дел подсудных иерархам церкви: преступления против веры и церкви; прелюбодеяние и ряд других дел. В уставе также имеются нормы о преступлениях монахов и церковнослужителей (блуд, пьянство, расстрижество, т.е. отказ от монашества и др.).

Развитие русского права в XV–XVI веках подготовило появление уникального законодательного акта, который был подготовлен и принят Земским Собором 1649 года – Соборное Уложение царя Алексея Михайловича. Оно состояло из 25 глав и 967 статей. Этот первый печатный памятник русского права законодательно закрепил основополагающий принцип – терри-

ториальную “юрисдикцию” соответствующих центральных и местных государственных органов, осуществлявших борьбу с общеуголовной преступностью. “А которые воры крадут, и убийственные всякие дела чинят на Москве. То вести на Земском дворе”¹, т.е. дела о преступлениях, совершенных в пределах территории столицы государства российского, были подведомственны Земскому двору (приказу). Расследование же преступлений, совершенных в столичном уезде, в российских городах и уездах, относилось к ведению Разбойного приказа. “Которые разбойники разбивают, и людей побивают, и тати крадут в Московском уезде и в городах, на посадах и в уездах, и такие разбойные и убийственные и татийные дела ведать в Разбойном приказе”².

Безграничная свобода правительства в определении преступлений и наказаний соответствовала правовым представлениям эпохи. Средневековому праву были неизвестны принципы справедливости и гуманизма, поэтому московский обыватель и до, и после издания Соборного Уложения оставался беззащитным перед произволом власти и мог быть наказан весьма сурово за такое деяние, которое прежде не воспрещалось законом.

В Соборном Уложении нашло отражение враждебное состояние между христианскими народами и мусульманами. Религиозная ненависть служила руководящим началом для действия принципов уголовного закона в пространстве. Так, ст. 24 гл. XXII Соборного Уложения гласит: “А будет кого бусурман какими-нибудь мерами, насильством, или обманом русского человека своей бусурманской вере принудит, и по своей бусурманской вере обрежет, а сыщется допряма: и того бусурманина по сыску казнить, сжечь огнем безо всякого милосердия”³.

Следовательно, по Уложению, территориальный принцип его действия в пространстве распространялся как на “русского человека”, так и на иностранцев, в частности мусульман, именуемых в отдельных статьях “бусурманами”, независимо от места совершения преступления.

¹ Российское законодательство X–XX вв. – М.: Юр. лит., 1985. Т. 2. – С. 230.

² Там же. – С. 230.

³ Ислам в законодательстве России. Сборник законодательных актов, постановлений и распоряжений правительства России: Учебное пособие. Сост.: А.Б. Юнусова, Ю.Н. Сергеев, В.В. Латышова; Под общ. ред. д-ра ист. наук А.Б. Юнусовой. – Уфа: Изд-во Башкирского ун-та. – 1998. – С. 11.

До конца XVI века в дополнение к Соборному Уложению было издано 1535 новоуказных статей, из которых самыми значительными являлись Новоуказные статьи о татевных, разбойных и убийственных делах от 22 января 1669 года. По ним смертная казнь могла быть назначена в качестве наказания даже малолетнему преступнику, например восьми лет. "...Аще седми лет отрок или бесный (невменяемый – сост.) убьет кого, не повинен есть смерти"¹.

Принципы действия национального закона закреплялись в то время и в международных договорах. Так, на основании ст. 6 договора России с Китайской поднебесной империей, заключенного в Нерчинске в 1689 г., взаимно выдавались преступники – китайцы и русские подданные – виновные в преступлениях на чужой территории, для суда над ними по национальным законам.

Анализируя международные договоры, Ф.Ф. Мартенс писал, что "в Кяхтинском русско-китайском трактате 1727 г. выставлен впервые принцип экстерриториальности русских подданных в пределах Китая. Но только по Кульджинскому договору 1851 г. Россия получила право назначать в Китай своего консула, впрочем, с весьма ограниченной юрисдикцией. Последняя была расширена и само число консулов увеличено по Тяньцзиньскому трактату 1858 г., подтвержденному трактатом Пекинским 1860 г."².

В отличие от Соборного Уложения Воинский артикул Петра 1 1715 г. содержал нормы только уголовного права и фактически представлял собой военно-уголовный кодекс без Общей части. Основное его содержание составляло изложение воинских преступлений: воинская измена (тайная переписка или переговоры с неприятелем), различного рода уклонения от воинской службы (дезертирство, членовредительство и др.), преступления против подчиненности и воинской чести, против правил караульной службы, против воинского имущества, злоупотребления начальствующих лиц по службе и др. Повышенные наказания влекли преступления, совершенные в военное время. Сурово карались преступления против мирных жителей. Фактически последние

нормы были прообразом норм международного уголовного права о преступлениях против мира и человечества. Например, артикул 104 угрожал смертной казнью тому, кто, "когда город или крепость штурмом взяты будут дерзает хотя вышнего или нижнего чина, церкви, школы или иные духовные дома, шпиталь, без позволения и указу грабить или разбивать"³. В артикуле 105 такое же наказание полагалось за преступления против детей, священников и стариков.

В этот же период получил дальнейшее развитие принцип "экстерриториальности", который, как правило, закреплялся путем издания законов о неподсудности дипломатических агентов. Например, когда русский посланник в Лондоне, Матвеев, был в 1708 г. остановлен на улице, вытасен из кареты и посажен в тюрьму за неплатеж долга в 50 фунтов стерлингов, то Петр Великий немедленно потребовал удовлетворения. Английское правительство ничего не возражало против этого требования и не только сейчас же освободило Матвеева, но и издало закон о неподсудности дипломатических агентов английским властям, список которого был препровожден к Петру с торжественным посольством⁴.

В 1845 году Проект Уложения о наказаниях уголовных и исправительных был рассмотрен Государственным Советом, утвержден Николаем I и введен в действие с 1 мая 1846 г. Новый уголовный кодекс, пережив определенные изменения, особенно в 1885 г., почти целиком действовал до Октябрьской революции 1917 г. Уложение 1845 г. отличалось казуистичностью изложения содержащихся в нем норм, отсутствием единства и большим объемом (оно насчитывало свыше двух тысяч статей).

В нем содействовали две системы наказания. Одна – для привилегированных сословий и состояний, и другая – для непривилегированных. Привилегированные сословия – дворяне, духовенство, почетные граждане, купцы I и II гильдий – были изъяты от телесных наказаний. Непривилегированные – крестьяне и рабочие – не изъяты. Телесные наказания были таковы: битье розгами, плетью, кнутом, шпицрутенами.

¹ Памятники русского права. – Т. 7. Цит. по: Ильин А.В., Морозова С.А. Из истории права. – Санкт-Петербург: Специальная литература, 1996. – С. 353.

² Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов (по изданию 1905 г.) / Под ред. Л.Н. Шестакова. Т. 2. – М.: Юридический колледж МГУ, 1996. – С. 62.

³ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. – М.: БЕК, 1996. – С. 65.

⁴ Мартенс Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов (по изданию 1904 г.) / Под ред. Л.Н. Шестакова. Т. 1. – М.: Юридический колледж МГУ, 1996. – С. 293.

В 1885 г. Уложение 1845 г. было переиздано. В новой редакции Уложения восприняты некоторые важные демократические принципы уголовного права. Например, зафиксирован принцип “нет преступления без указания о том в законе”, принцип виновности. Сократилось количество статей до 1711.

Уголовное Уложение 1903 г. было утверждено Николаем II. Оно содержало 687 статей¹. Отделение второе Уложения называется “О пространстве действия Уголовного Уложения” и включает одиннадцать статей, излагающих принципы его действия в пространстве.

В ст. 4 Уголовного Уложения закреплен основополагающий принцип, распространяющий действие сего Уложения на преступные деяния, учиненные в пределах России как российскими подданными, так и иностранцами за изъятиями, указанными в следующей статье. Этот принцип был основан на положении ст. 85 Основных государственных законов 1906 года – первой русской конституции: “Сила законов равно обязательна для всех без изъятия российских подданных и для иностранцев, в Российском Государстве пребывающих”².

Представляется, что в п. 4 данной статьи установлен принцип экстерриториальности для иностранцев, находящихся в пределах Российской империи. Действие данного принципа, согласно ст. 6, распространялось и на преступные деяния, учиненные в иностранных государствах российскими подданными, пользующимися в этих государствах правом внемлемости.

А.В. Наумов пишет, что “обращает на себя внимание детальная регламентация действия Уголовного уложения в пространстве (ст. 4–13). Следует отметить, что действие Уложения не распространялось (за исключением некоторых случаев) на преступные деяния, совершенные в Финляндии, которая была в то время частью России (Великим княжеством Финляндским)”³.

Особое внимание в Уложении уделено покровительственному принципу действия Уло-

жения в пространстве и это вполне понятно, так как государство российское представляло собой империю, в которую входили колониальные и экономически зависимые государства. Чем больше была эта зависимость, тем больший круг лиц подпадал под действие уголовного закона. Так, например, в Турции, Персии, Китае, Корее и иных странах, в коих они неподсудны местной власти, действие Уложения распространяется на преступные деяния, учиненные российскими подданными.

В Бухаре действие Уложения распространялось на преступные деяния, учиненные пребывающими там не только российскими подданными, но и иностранцами христианских вероисповеданий.

В Хивинском ханстве были подчинены ведению русских судебных установлений на основаниях, изложенных в Положении об управлении Туркестанского края, все дела по преступным деяниям, совершенным там: 1) русскими подданными либо иностранцами-христианами; 2) туземцами либо иностранцами-нехристианами относительно русских подданных либо иностранцев-христиан, или против имущества и доходов казны.

Ф.Ф. Мартенс писал, что право каждого цивилизованного правительства творить суд и расправу в восточных государствах через посредство своих консулов не есть только право, но и обязанность. Правительства нехристианские имеют право требовать, чтобы консульская юрисдикция не была насмешкой над правосудием⁴.

Статья 9 Уголовного Уложения гласит: “Действие сего Уложения, с соблюдением правил, в статьях 10–12 постановленных, распространяется на преступные деяния, учиненные российскими подданными вне пределов России, за исключением стран, в статьях 7 и 8 указанных: 1) если учиненное деяние составляет тяжкое или преступление, и 2) если учиненное деяние составляет такой проступок, наказуемость коего, в случае учинения его в иностранном государстве или вообще вне пределов России, предусмотрена заключенным ею международным трактатом”.

Широко поставлена ответственность иностранцев, совершивших преступления за границей. По ст. 9 Уложения наказывалось преступление, совершенное иностранцем за границей, если: 1) “учиненное деяние составляет тяжкое преступление или такое преступление, коим обвиняемый посягал на права российских под-

¹ Уголовное Уложение (издание 1909 года). Свод законов Российской империи. – Т. XV (1–2). – СПб., 1916. – С. 462.

² Основные государственные законы // Свод законов Российской империи. Т. 1. Книга 1. Издание 1906 года. Цит. по: Ильин А.В., Морозова С.А. Из истории права. – Санкт-Петербург: Специальная литература, 1996. – С. 353.

³ Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть. Курс лекций. – М.: БЕК, 1996. – С. 72.

⁴ Там же. – С. 67.

данных или на имущество и доходы российской казны, и 2) если наказуемость преступного деяния, в случае учинения его в иностранном государстве или вообще вне пределов России, предусмотрена заключенным ею международным договором”.

Ф.Ф. Мартенс писал, что при толковании и применении вышеприведенных правил относительно наказания преступлений, совершенных за границей территориальными подданными или иностранцами, необходимо иметь в виду следующие условия:

1. Преступное действие, вызывающее преследование, должно считаться преступным как по законам места его совершения, так и по законам места судебного разбирательства. Те и другие должны предусматривать и наказывать данное деяние, в совершении которого лицо обвиняется. В противном случае будет невозможно, с одной стороны, вменить деяние в вину, с другой – возбудить судебное преследование.

При этом состав преступления должен определяться не по *lege fori*, но на основании *legis loci delicti commissi*, потому что всякое преступление органически связано с местом его совершения.

2. Преступление не должно быть погашено. Если обвиняемый был оправдан, или отбыл свое наказание, или содеянное преступление покрывается законной уголовной давностью или помилованием, то возбуждение преследования не имеет юридического смысла и будет несправедливостью.

Срок давности определяется по закону места совершения преступления. Соблюдение этих условий является необходимым предположением легального осуществления права наказания¹.

Принцип выдачи преступников был закреплен в ст. 13 Уложения. По нему иностранец, учинивший тяжкое преступление или преступление вне пределов России, если не был за то преступное деяние в России осужден, оправдан или освобожден от наказания в установленном порядке, подлежал выдаче согласно договору, заключенному с государством, требующим выдачи обвиняемого, или установившейся в этом отношении с сим государством взаимности. Правила о выдаче

¹ Наумов А.В. Указ. соч. – С. 229.

преступников по требованиям иностранных государств были изложены в двадцати пяти статьях Устава Уголовного Судопроизводства.

Таким образом, Уголовное Уложение 1903 года действовало в пространстве на основании принципов: территориального гражданства или подданства, реального, универсального, покровительственного, экстерриториального или внеземельности, международного принципа о выдаче преступников. После Октябрьской революции 1917 г. Уголовное уложение действовало в Польше, Латвии, Эстонии и Литве.

В марте 1917 г. Временное правительство образовало Комиссию по пересмотру и введению в действие нового Уголовного уложения под председательством члена Государственной думы В.А. Маклакова.

Комиссия видела трудность работы в том, что надо “примирить два противоположных требования: издать, возможно, лучшее Уложение и, возможно скорее, заменить старые уголовные законы”. Она заявила, что будет руководствоваться четырьмя идеями, или принципами: 1) принцип свободы (мысли, слова и дела) – надо вытравить все остатки старого гнета, все темные предрасудки; 2) идея человечности – по возможности смягчить в Уголовном кодексе суровость и устранить мелочную и ненужную жестокость; 3) идея народовластия – участие народного элемента в законодательстве, администрации и суде. Следует обеспечить действительное влияние присяжных на размер наказания; 4) идея социальная – пересмотр всех правовых норм с точки зрения интересов неимущих классов.

Комиссия приняла в новой редакции ряд статей Уголовного уложения 1903 года. В отношении других статей высказалась за их отмену².

Таким образом, в начале XX века в России уже была создана система уголовно-правовых норм, регламентирующих применение уголовного закона в пространстве.

² Скрипильев Е.А. Права человека в истории России // Права человека в России: декларации, нормы и жизнь. – М.: Изд-во МНЭПУ, 1999. – С. 39–40.